ТОМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
МУЗЕЙ АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ СИБИРИ ИМ. В.М. ФЛОРИНСКОГО
ПРОБЛЕМНАЯ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ ЛАБОРАТОРИЯ
ИСТОРИИ, АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ СИБИРИ

ТРУДЫ
Музея археологии и этнографии Сибири им. В.М. Флоринского Томского государственного университета

Том 1

Серия основана в 2002 г.

Издательство Томского университета
2002

О.Б. Беликова

Томский государственный университет, г. Томск, Россия

«СКАНДИНАВСКАЯ» КОЛЛЕКЦИЯ И.П. КУЗНЕЦОВА-КРАСНОЯРСКОГО

В археологическом отделе Музея археологии и этнографии Сибири Томского государственного университета хранится коллекция № 6279, издавна получившая в документации учреждения условное название «скандинавские древности». Коллекция поступила в музей, территориально значительно отдалённый от места её происхождения, и при этом – в археологические фонды, основное содержание которых определяют материалы Северной и Центральной Азии. Эти обстоятельства изначально предуготовили забвение «скандинавских древностей», их невостребованность исследователями древней истории Северной Европы в течение более 110 лет со времени появления коллекции.

Цель данной работы – восстановление целостности коллекции, её упорядочение и представление научной общественности забытых материалов, которые помогут осветить некоторые стороны древних культур Норвегии, Швеции, Дании, Исландии, а также культурно-общественной жизни России конца XIX в. Основой для написания статьи[1], помимо самой коллекции № 6279, явилась группа ***источников*** из МАЭС:

1. Реестр: «Коллекции по доисторической эргологии музея антропологии»[2]. В нём перечислено 42 археологических собрания, среди которых: № 4, «коллекция скандинавских древностей Кузнецова» (в будущем – № 6279); № 5, «коллекция покупных предметов из Минусинского края Кузнецова» (автором этого собрания, позднее зарегистрированного под № 6272, является Иннокентий Петрович Кузнецов). Реестр был составлен на обороте печатной программы публичной лекции 31 марта 1909 г. В его написании не использованы буквы «і» и «ъ», на основании чего документ датируется временем не ранее 1917 – 1918 гг. Скорее всего, 42 коллекции вместе с реестром поступили в МАЭС из кабинета географии Томского университета не ранее 1921 г. (подробнее об этом см. ниже).

2. Реестр коллекции № 6279: «Скандинавские древности, собранные Кузнецовым во время путешествия по Скандинавии и Дании в 1891 г.»[3], в котором под 38 номерами перечислено 40 предметов. Как и

---

[1] Рисунки к статье изготовила В.С. Щербакова, фотографию – А.В. Морозов. Автор выражает глубокую признательность за консультации и информацию Г.И. Гребневой, Н.М. Дмитриенко, В.А. Есиповой, Н.В. Курбатской, С.С. Москвитину.

[2] *Архив* МАЭС ТГУ. Д. 112. 2 л.

[3] *Архив* МАЭС ТГУ. Д. 112. 1 л.

предыдущий документ, он составлен не ранее 1917 – 1918 гг. Об этом свидетельствуют аналогичные орфографические особенности текста.

3. Опись коллекции № 6279 (составлена не позднее 1956 г.). В ней также под 38 номерами зарегистрировано 40 экспонатов, большинство из которых сопровождаются кратким описанием и рисунками.

4. «Книга № 8 поступлений МАЭС ТГУ: № 6272/88 – 6818». Она, по сравнению с описью, дополнена сведениями о стране приобретения экспонатов, результатах инвентаризации коллекции в 1957 и 1998 гг., а также информацией 2001 г. об атрибутированных экспонатах.

В качестве источников использованы и другие документы архива МАЭС, а также опубликованные работы, преимущественно конца XIX – начала XX в.

История коллекции № 6279 сегодня восстанавливается сложно. Судя по реестрам, как наиболее ранним свидетельствам, древности были собраны во время путешествия 1891 г. по странам Скандинавии и Дании некоего «Кузнецова». Его инициалы, к сожалению, не указывались. В других архивных материалах также отсутствуют сведения, уточняющие авторство коллекции. При выяснении имени коллекционера сразу возникает предположение, что «скандинавские древности» собрал один из однофамильцев: Кузнецов Иннокентий Петрович или Кузнецов Степан Кирович. От них в конце XIX в. в археологический музей Томского университета (будущий МАЭС) поступали многочисленные археологические, этнографические и прочие материалы[4]. Изучение биографии С.К. Кузнецова, главного библиотекаря Томского университета в 1885 – 1903 гг., показало, что он не совершал путешествия по странам Скандинавии[5].

Скорее всего, собирателем коллекции являлся *И.П. Кузнецов*. К такому заключению подводит логическое сопоставление ряда фактов из его жизни. Показательно и то, что в упомянутом реестре коллекция № 4 (будущая № 6279) «Кузнецова» перечислена перед коллекцией № 5, автор которой точно И.П. Кузнецов[6].

Иннокентий Петрович Кузнецов (1851 – 1916), потомственный почётный гражданин, родился в Минусинском округе, принадлежал к семейству красноярских купцов, золотопромышленников и меценатов. Обучался в Петербургской частной гимназии Келлера[7]. «Был гласным городской думы, почётным смотрителем красноярского уездного учи-

---

[4] *Флоринский В.М.* Археологический музей Томского университета. Томск, 1888. 276 с.; *Он же.* Прибавление к каталогу археологического музея Томского университета. Томск, 1890. С. 157 – 237; *Он же.* Второе прибавление к каталогу археологического музея Томского университета. Томск, 1898. С. 338 – 378.

[5] Устное сообщение кандидата исторических наук В.А. Есиповой, сотрудника отдела редких книг (ныне – музей научной книги) научной библиотеки ТГУ (апрель 2000 г.).

[6] Строго говоря, с Томским университетом с 1898 г. связаны имена и других Кузнецовых – супругов Григория Кирилловича и Анны Ивановны, на деньги которых была учреждена стипендия, см.: *Журнал* заседания совета Императорского Томского университета 21 февраля 1898 года // Изв. Императорского Том. ун-та. 1900. Кн. 16. С. 22; *Отчёт* о состоянии Императорского Томского университета за 1898 год // Там же. С. 23, 138; *Краткий* исторический очерк Томского университета за первые 25 лет его существования (1888 – 1913 гг.). Томск, 1917. С. 209; Однако не встречено никаких фактов, указывающих на увлечение супругов А.И. и Г.К. Кузнецовых археологией и возможность приобретения ими «скандинавской коллекции».

[7] *Дело* о постороннем слушателе медицинского факультета Иннокентия Петровича Кузнецова. 16 августа 1888 г. – 21 ноября 1892 г. // ГАТО. Ф. 102. Оп. 2. Д. 2398. Л. 4, 5.

лища, активным членом общества попечения начального образования, созданного в 1884 г.»[8]. Являлся почётным попечителем красноярского городского училища[9], почётным блюстителем Аскизского инородческого училища[10].

Научные интересы Иннокентия Петровича были обращены в основном к истории и археологии Сибири, что отражено его многочисленными публикациями. Как минимум с 1891 г. исследователь использовал псевдоним «Кузнецов-Красноярский»[11]. Первую археологическую коллекцию он собрал в 16 лет[12]. Древние вещи ему поставлял И.П. Товостин – медник-литейщик, предприимчивый делец, торговец сибирскими древностями, прибывший в Минусинский округ в конце 1870-х гг.[13] И.П. Кузнецов проводил раскопки и разведки в Минусинской котловине, был тесно связан с деятельностью первого сибирского археологического коллектива при Минусинском музее, основанном в 1877 г. Он неоднократно вносил пожертвования на проведение экспедиций, издание книг и др. Дарил свои коллекции Минусинскому музею, археологическому музею Томского университета, Императорской археологической комиссии, Московскому историческому музею. По рекомендациям Н.М. Мартьянова и И.Т. Савенкова 17 октября 1885 г. Иннокентий Петрович был избран действительным членом Восточно-Сибирского отдела Императорского Русского географического общества. («Лица, избранные в члены отделом в Иркутске, считаются членами-сотрудниками географического общества»[14].) В 1896 и 1901 гг. учёного наградили памятными жетонами по случаю двух юбилеев географического общества: 50-летия Российского общества и 50-летия его Восточно-Сибирского отдела[15].

Иннокентий Петрович был замечательным художником, самостоятельно составлял рисунки к своим археологическим коллекциям. По признанию видного русского востоковеда, археолога и нумизмата В.Г. Тизенгаузена, высказанному в письме от 15 января 1890 г. к В.М. Флоринскому, «изящными акварелями кузнецкого альбома... она (археологическая комиссия. – *О. Б.*) намерена воспользоваться при предстоящей выставке древностей, ежегодно выставляемых на воззрение государя императора»[16].

---

[8] *Краткая* энциклопедия по истории купечества и коммерции Сибири. Новосибирск: Наука, 1995. Т. 2. Кн. 2. С. 128.

[9] *Труды* Томского общества естествоиспытателей // Томские университетские изв. Томск, 1889. Кн. 1. С. 9.

[10] *Дело* о постороннем слушателе… Л. 4, 5.

[11] *Кузнецов-Красноярский [И.П.].* Томский сын боярский Фёдор Протопопов: (Материалы для истории Сибири). Томск, 1891. 111 с.

[12] *Кузнецов-Красноярский И.П.* Минусинские древности: Медно-бронзовый и переходный периоды. Томск, 1908. Вып. 1. С. 1.

[13] *Дэвлет М.А.* Археологические коллекции из Минусинской котловины в государственном национальном музее в г. Хельсинки // По зарубежным музеям. М., 1965. С. 99 – 100.

[14] *Протоколы* ВСОИРГО // Изв. ВСОИРГО. Иркутск, 1886. Т. 16, № 4 – 5. С. 90, 91; *Список* членов ВСОИРГО по 30 января 1890 г. // Изв. ВСОИРГО. Иркутск, 1889. Т. 20, вып. 5. С. II, IV.

[15] *Ожередов Ю.И.* Фонд И.П. Кузнецова-Красноярского в Музее археологии и этнографии Сибири // История вузовских музеев страны. Сыктывкар, 1994. С. 229.

[16] *Ястребов Е.В.* Сто неизвестных писем русских учёных и государственных деятелей к Василию Марковичу Флоринскому. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1995. С. 175 – 176.

Помимо кратких биографических справок об И.П. Кузнецове[17], его достаточно подробные характеристики как исследователя археологии Сибири приводятся в работах Э.Б. Вадецкой[18], Ю.Г. Белокобыльского[19], В.И. Матющенко[20]. Описанию фонда И.П. Кузнецова-Красноярского в МАЭС посвящено сообщение Ю.И. Ожередова[21]. Остановимся на некоторых фактах из жизни Иннокентия Петровича 1880-х – начала 1890-х гг., преимущественно связанных с Томском.

В биографии учёного существенно отразилось открытие в 1888 г. первого в Сибири Томского университета, которому он покровительствовал долгое время. В этом году И.П. Кузнецов пожертвовал учебному заведению солидные денежные средства[22]. К слову, благотворительность университету в Томске было в традициях членов семейства Иннокентия Петровича. Его отец, Петр Иванович Кузнецов, ещё в 1877 г., задолго до закладки фундамента главного корпуса университета (1880 г.), приобрёл для библиотеки более 500 книг на свои средства[23]. Его родной брат Лев Петрович Кузнецов в 1892 г. завещал Томскому университету значительный капитал для учреждения стипендии за лучшие сочинения по истории, антропологии и социологии Сибири[24].

С сентября 1888 г. в возрасте уже около 37 лет Иннокентий Петрович стал одним из первых «вольных» слушателей единственного тогда факультета университета – медицинского[25]. В списке вольнослушателей весеннего полугодия 1889 г. он уже не числился[26]. Позднее, до 3-го курса, И.П. Кузнецов посещал занятия в качестве «постороннего» слушателя, без сдачи экзаменов, а в январе 1891 г. прекратил свое обучение[27]. В августе 1889 г. при университете было образовано Томское общество естествоиспытателей и врачей, действительным членом которого уже в сентябре избрали Иннокентия Петровича[28].

И.П. Кузнецов активно содействовал развитию музейного дела в Сибири. Так, будучи членом Томского общества попечителей о начальном образовании, он в марте 1888 г. был привлечён к разработке программы для собирания предметов и составления устава музея приклад-

---

[17] *Краткая* энциклопедия... 1995. С. 127 – 128; *Сибирская* Советская энциклопедия. М.: Зап.-Сиб. отделение ОГИЗ, 1931. Т. 2. Ст. 1103 – 1104.

[18] *Вадецкая Э.Б.* К истории археологического изучения Минусинских котловин // Изв. лаборатории археологических исследований. Кемерово, 1973. Вып. 4. С. 125 – 130.

[19] *Белокобыльский Ю.Г.* Бронзовый и ранний железный век Южной Сибири. Новосибирск: Наука, 1986. С. 76 – 78.

[20] *Матющенко В.И.* История археологических исследований Сибири (до конца 1930-х годов): Учеб. пособие. Омск, 1992. С. 59 – 60.

[21] *Ожередов Ю.И.* Фонд И.П. Кузнецова-Красноярского... С. 225 – 229.

[22] *Сведения* о состоянии Императорского Томского университета за первое полугодие его существования // Томские университетские изв. 1889. Кн. 1, отд. 1. С. 68.

[23] *Открытие* Императорского Томского университета 22 июля 1888 года. Томск, 1888. С. 44; *Отчёт* о состоянии Императорского Томского университета за 1896 год // Изв. Императорского Том. ун-та. 1897. Кн. 12. С. 85.

[24] *Журнал* заседания совета Императорского Томского университета от 6 ноября 1899 года // Там же. 1902. Кн. 19. С. 82 – 88; *Краткий* исторический очерк... С. 204 – 205, 208.

[25] *Журнал* заседания совета Императорского Томского университета 15 сентября 1888 года // Томские университетские изв. 1889. Кн. 1, отд. 1. С. 81.

[26] *Отчёт* о состоянии Императорского Томского университета за 1889 г. // Изв. Императорского Том. ун-та. 1890. Кн. 2, отд. 1. С. 11; *Журнал* заседания совета Императорского Томского университета 27 мая 1889 года // Там же. С. 47 – 48.

[27] *Дело* о постороннем слушателе… Л. 1 – 11.

[28] *Труды* Томского общества... 1889. С. 9, 11, 20, 22.

ных знаний при народной библиотеке. Закладка музея была совершена в мае 1891 г.[29] В Томске конца XIX в. учёные, занимавшиеся археологией, объединялись на базе археологического музея университета. Он был создан в 1882 г. для будущего исторического факультета университета, открытого ненадолго только в 1917 г. и повторно – в 1940 г. До 1898 г. музеем заведовал его основатель – попечитель Западно-Сибирского учебного округа В.М. Флоринский. И.П. Кузнецов-Красноярский вспоминал: «В конце 80-х и в начале 90-х годов я... бывал нередко у В.М. Флоринского и в археологическом музее...»[30]. Можно предполагать, что Василий Маркович протежировал своему коллеге[31].

Многократно, с первых лет открытия университета И.П. Кузнецов оказывал значительную помощь в формировании его музейных фондов. Так, в период до 1888 г. в дар от учёного поступила уникальная коллекция по культуре северо-американских индейцев, собранная им во время продолжительного научного путешествия по Америке в 1880-х гг.[32] В 1889 г. Иннокентий Петрович подарил музею фамильные вещи, принадлежавшие его предкам, а также богатейшие археологические коллекции из Минусинского, Ачинского и Енисейского округов Енисейской губернии, разнообразные антикварные предметы[33]. Коллекции по археологии, этнографии и другие материалы И.П. Кузнецов передавал Томскому университету также в 1890 – 1891 гг., в начале 1892 г.[34]

В 1888 г. Кузнецов намеревался приобрести томскую газету «Сибирский вестник»[35], но надобность в этом, очевидно, отпала с получением им в это же время разрешения на издание в Красноярске «Сибирской недели». С общественно-научной жизнью Томска Иннокентий Петрович был связан и позднее. Так, в начале XX в. его статьи по истории Сибири часто публикуются на страницах томского журнала «Сибирский наблюдатель» и его преемника – «Сибирские отголоски».

Надо полагать, путешествие 1891 г. по Северной Европе не стало случайным эпизодом в биографии И.П. Кузнецова, а подготавливалось рядом событий и обстоятельств. Возможно, особый интерес учёного к Скандинавии был связан с работами 1887 – 1889 гг. финского археологического общества, которыми руководил профессор Гельсингфорского университета историк, археолог И.Р. Аспелин. Маршруты его экспедиции, организованной с целью изучения предполагаемой прародины финского народа, проходили по Минусинской котловине, Алтаю, Туве, Монголии. Ежегодно финские учёные посещали Томск, Минусинск, где

---

[29] *Сибирская* летопись // Сибирский вестник (Томск). 1888. № 35. С. 2; *Сибирский* вестник (Томск). 1891. № 60. С. 3.

[30] *Кузнецов-Красноярский И.П.* Минусинские древности... С. 1.

[31] *Ястребов Е.В.* Сто неизвестных писем... С. 173 – 176.

[32] *Флоринский В.М.* Археологический музей... С. 97 – 103; *Каталог* этнографических коллекций Музея археологии и этнографии Сибири Томского университета. Ч. 2: Народы СССР (кроме Сибири) и зарубежных стран. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1980. С. 141 – 168, 229; *Ефименко А.В.* К истории формирования «индейской коллекции» Музея археологии и этнографии Сибири Томского государственного университета // Музей и город – 2001: Тезисы III межрегиональной научно-практической конф. Северск, 2001. С. 134 – 138.

[33] *Флоринский В.М.* Прибавление к каталогу... С. 164 – 186.

[34] *Отчёт* о состоянии Императорского Томского университета за 1890 год // Изв. Императорского Том. ун-та. 1891. Кн. 3, отд. 1. С. 64; *Флоринский В.М.* Второе прибавление к каталогу... С. 338, 340, 341, 345 – 349, 357 – 358, 359 – 360, 361 – 362, 367 – 368.

[35] *Сибирский* вестник. Томск, 1888. № 21. С. 3; № 22. С. 1.

И.Р. Аспелин знакомился с археологическими коллекциями Томского университета (лето 1887 г.), Минусинского музея (1887, 1888 гг.)[36]. В 1887 – 1889 гг. И.П. Кузнецов и И.Р. Аспелин имели реальные возможности для совместных встреч.

Проведение финской экспедиции и вероятное знакомство с И.Р. Аспелином, очевидно, подтолкнули И.П. Кузнецова к публикации[37] перевода с французского языка части книги Ф.И. Страленберга «Историческое и географическое описание северных и восточных частей Европы и Азии», в которой характеризовались сибирские инородцы. Страленберг по материалам своего путешествия 1721 – 1722 гг. в составе экспедиции Д.Г. Мессершмидта отмечал сходство «некоторых элементов среднего Енисея и Европейского севера (Скандинавии)», что «объяснялось единым для обоих регионов источником происхождения и культурных заимствований, который находится на юге (район Среднего и Ближнего Востока)»[38].

В изданиях материалов за 1891 г. Русского географического общества, в том числе его Восточно-Сибирского отдела, упоминания о маршруте И.П. Кузнецова по Северной Европе отсутствуют[39]. Скорее всего, путешествие проходило не под стягом географического общества, а носило частный характер и было проведено на личные средства сибиряка.

Нельзя исключить того, что Кузнецов совместил (или намеревался это сделать) поездку по Северной Европе с участием в работе международного географического конгресса, состоявшегося в августе 1891 г. в Швейцарии, в Берне. Официальные приглашения на него заблаговременно получили Восточно-Сибирский отдел[40], Томский университет[41]. Правда, имеется сообщение М.Н. Анненкова о том, что в Берне он был «единственный на конгрессе член нашего географического общества»[42]. Но М.Н. Анненков мог иметь в виду членов центральных отделов общества (Москва, Петербург) или же И.П. Кузнецов был неофициальным участником конгресса.

Известны даты конкретных событий жизни И.П. Кузнецова начала 1891 г.[43] Учитывая, что в ту пору поездка из Томска в Европу или обратно обычно зависела от возможности навигации по Оби[44], крайние сроки путешествие из Томска в Европу можно определить серединой

---

[36] *Вадецкая Э.Б.* К истории археологического... С. 130 – 133; *Белокобыльский Ю.Г.* Бронзовый и ранний железный век... С. 78 – 88; *Он же.* Экспедиция И.Р. Аспелина в Сибирь (к 100-летию экспедиции) // Изв. СО АН СССР. Сер. история, филология и философия. 1988. Вып. 3, № 16. С. 55.

[37] *Кузнецов-Красноярский И.П.* Страленберг в Сибири // Сибирский вестник (Томск). 1888. № 18. С. 2; № 21. С. 1 – 2; № 24. С. 1.

[38] *Белокобыльский Ю.Г.* Бронзовый и ранний железный век... С. 21.

[39] *Известия* ИРГО. СПб., 1891 – 1892. Т. 27, вып. 1 – 6. 634 с., XIV с.; *Отчёт* ИРГО за 1891 год. СПб., 1892. 75 с.; *Сукачёв В.П.* Отчёт о деятельности Восточно-Сибирского отдела за 1891 г. // Отчёт ИРГО за 1892 г. СПб., 1893. С. 67 – 89; и др.

[40] *Протокол* заседания распорядительного комитета 8 февраля 1891 года // Изв. ВСОИРГО. Иркутск, 1891. Т. 22, вып. 2 – 3. С. 33.

[41] *Журнал* заседания совета Императорского Томского университета 20 июля 1891 года // Изв. Императорского Том. ун-та. 1892. Кн. 4. С. 93 – 94.

[42] *Журнал* заседания совета ИРГО 5 ноября 1891 г. // Изв. ИРГО: 1891 г. СПб., 1892. Т. 27, вып. 6. С. 601.

[43] *Флоринский В.М.* Второе прибавление к каталогу...

[44] Западно-Сибирский отрезок железнодорожной магистрали был построен только в 1892 – 1896 гг., см.: *История* Сибири. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1997. С. 338.

мая – серединой сентября. Приблизительное время возвращения Кузнецова в Томск устанавливается также по появлению его многочисленных публикаций в местной газете «Сибирский вестник» за сентябрь – октябрь, первые из которых были написаны 20 сентября[45]. Информация о поездке И.П. Кузнецова в Скандинавию в периодических изданиях «Сибирский вестник» (1891, 1892), «Томские губернские ведомости» (1891), «Восточное обозрение» (1891; Иркутск) не встречена.

Экспонаты коллекции № 6279 происходят из Швеции, Норвегии, Дании, Исландии. Более точное место происхождения определяется лишь для предмета № 4 из Норвегии: в реестре коллекции относительно него есть дополнение – «Тельмарк». Этот топоним имеет два значения: 1) фюльке (административно-территориальная единица), расположенная к югу и юго-западу от г. Осло; 2) плоскогорье на юге Норвегии, в составе Скандинавских гор[46]. Во всех архивных документах говорится о путешествии «по Скандинавии и Дании». В широком смысле в конце XIX – начале XX в. к скандинавским землям, помимо Швеции, Норвегии, Финляндии, Дании, причисляли также Исландию[47]. Трудно сказать, входил ли в маршрут поездки отдалённый остров Исландия. Не исключено, что происходящий оттуда единственный экспонат коллекции (рис. 5) попал каким-то образом на континент, где и был приобретён И.П. Кузнецовым.

Определённо, часть предметов в Швеции и Дании покупалась за кроны. На это указывают надписи тушью, выполненные дореформенным стилем непосредственно на предметах: «15 кр. Швеція», «Швеція 2 кр.», «Данія 10 кр.» и др. Не исключено, что первоначально «скандинавская коллекция» состояла из большего количества вещей, нежели в итоге их попало в МАЭС. Собрание могло быть поделено между каким-либо центральным археологическим хранилищем России и личной (домашней) коллекцией И.П. Кузнецова. Подобная практика была характерна для провинции конца XIX в. К тому же известно, что исследователь отправлял археологической комиссии «дары из своей археологической коллекции (1890 – 1891 гг.)...»[48].

Вероятно, «скандинавская коллекция» до конца жизни И.П. Кузнецова, умершего в 1916 г. в Томске, находилась в его личном собрании. Материалы, принадлежавшие покойному, в 1921 г. О.И. Иваницкая передала через С.И. Руденко (заведующий кафедрой физики и физической географии в 1919 – 1921 гг.) в дар кабинету географии Томского университета[49]. Скорее всего, среди них находились и «скандинавские древности». Не исключено, что на решение О.И. Иваницкой повлиял факт присуждения в 1916 г. С.И. Руденко за работу «Антропологические исследования инородцев Северо-Западной Сибири» премии имени Леонида Петровича Кузнецова[50], брата И.П. Кузнецова.

---

[45] *Сибирский* вестник (Томск). 1891. № 111, 114, 115, 116, 119, 120, 122, 126.

[46] *Географический* энциклопедический словарь: Географические названия. М.: Сов. энцикл., 1989. С. 474.

[47] *Большая* энциклопедия: Словарь общедоступных сведений по всем отраслям знания. СПб., 1904. Т. 17. С. 461.

[48] *Вадецкая Э.Б.* К истории археологического... С. 127.

[49] *Основной* инвентарь музея археологии и этнографии при Императорском Томском университете // Архив МАЭС ТГУ. Д. 112. С. 22.

[50] *Дмитриенко Н.М.* Премии Императорского Томского университета за труды по истории, антропологии и социологии Сибири // ИИС: К 30-летию лаборатории. Томск, 1998. С. 129 – 134.

Характеристика коллекции. Все её 40 предметов имеют внутренние номера – от 1 до 38. Указания на происхождение вещей из каких-либо археологических комплексов в документации отсутствуют. Долгое время коллекция хранилась в МАЭС разрозненно, так как на большинстве экспонатов отсутствовала или была повреждена маркировка. Главным аргументом в вопросе о принадлежности предметов именно к «скандинавской» коллекции явилась её опись – единственный документ, содержащий рисунки древностей. Работа по поиску в археологических фондах музея вещей коллекции и их идентификации, проделанная автором в период 1998 – 2002 гг., к сожалению, не привела к желаемому результату. Приходится констатировать, что на ноябрь 2002 г. из 40 первоначальных экспонатов в коллекции № 6279 отсутствовало 5 вещей: № 3, 7, 9, 31, 35-3. Из них 2 предмета из Швеции (№ 7, 31) сегодня невозможно восстановить даже в рисунках, так как таковых нет и в описи. Внешний вид экспоната из Дании (№ 35-3), зарисовка которого также отсутствует в описи, определён по аналогии с сохранившимися в коллекции украшениями (№ 35-1 и 35-2). Не исключено, что со временем часть отсутствующих ныне вещей всё же обнаружится в фондах МАЭС.

Восстановление первоначального состава коллекции, её упорядочение представляли значительную сложность, что обусловило необходимость подробного описания всех экспонатов. Тем более, что некоторые из них в документации МАЭС много лет числились отсутствующими. Названия предметов приводятся преимущественно в современной интерпретации; если же вещи утрачены или не восстанавливаются графически, то тогда цитируются архивные материалы. В случае расхождения по документам номера экспоната автор придерживается описи, так как в ней даны рисунки. Предметы распределяются по странам происхождения (Швеция, 22 экз.; Дания, 12 экз.; Норвегия, 1 экз.; Исландия, 1 экз.), отдельно выделена группа вещей, для которых место приобретения не установлено (4 экз.). При выявлении вещей из Швеции, Дании, помимо данных реестра, значительно помогли надписи с указанием страны. Они были выполнены, как уже упоминалось, в дореформенном стиле, тушью непосредственно на поверхности 13 изделий.

В представленном ниже описании экспонатов упоминание об их материале опускается: все они, исключая № 33, изготовлены, скорее всего, из бронзы (спектральный анализ, к сожалению, не проводился); не указывается каждый раз также номер коллекции (6279), а приводятся только внутриколлекционные номера преметов. Большинство описанных вещей – хорошей сохранности, с патинизированным поверхностным слоем. Иллюстрации к статье сделаны с реальных вещей, исключая утраченные экспонаты, рисунки для которых по возможности воспроизведены по описи (№ 3, 9, 21).

Швеция

Из Швеции происходит не менее 22 экспонатов (см. рис. 1, 2): предметы быта (фрагмент сосуда) и оружия (кельт), детали одежды (булавки, фибулы, пряжка), украшения (браслеты, подвеска (?), накладка), а также неопределённые вещи[51].

[51] Предметов из Швеции, как и описанных ниже вещей из Норвегии, Дании, Исландии, может быть больше за счёт тех вещей, для которых страна приобретения не выяснена: № 15, 21, 23, 37, 38 (их описание см. ниже).

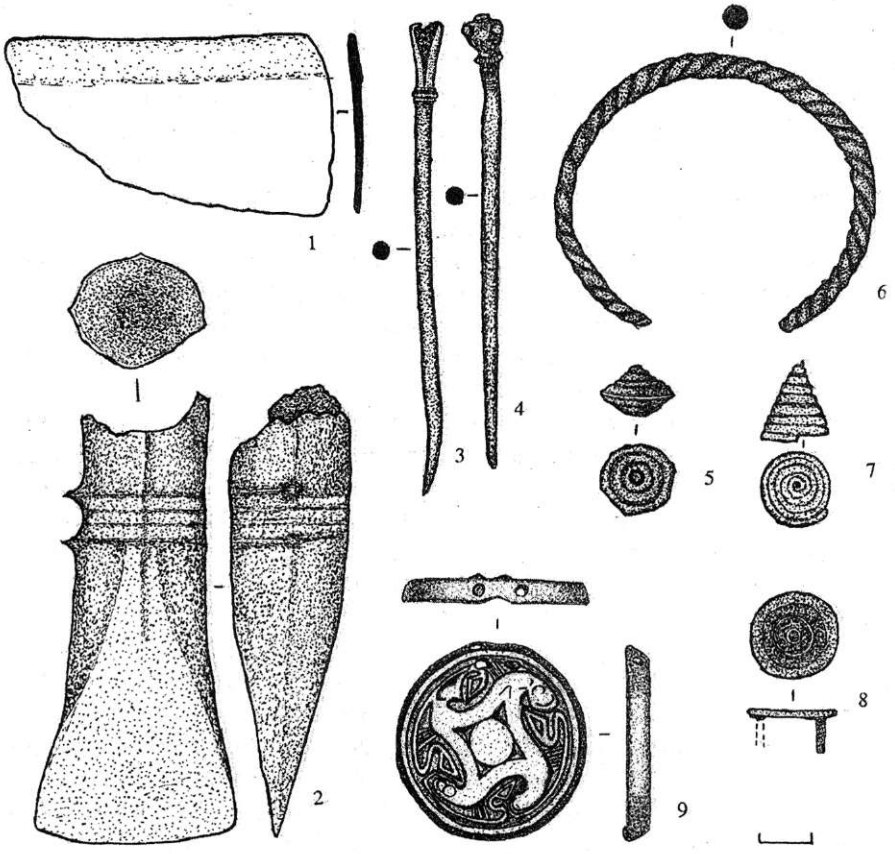

Рис. 1. «Скандинавская» коллекция И.П. Кузнецова-Красноярского.
Вещи из Швеции.
Фонды МАЭС ТГУ, колл. № 6279: 1 *(№ 1)* – фрагмент сосуда; 2 *(№ 16)* – кельт; 3, 4 *(№ 27, 28)* – булавки; 5 *(№ 29)* – навершие булавки; 6 *(№ 3)* – браслет; 7 *(№ 6)* – фрагмент браслета; 8 *(№ 36)* – накладка; 9 *(№ 18)*. *1 – 9 – бронза*

Сосуд (1 экз.) представлен фрагментом размером 6,2 х 3,5 см от приустьевой части, имеющей слабовыраженное утолщение по краю; на внутренней стороне нанесена надпись тушью: «Швеція» (№ 1; рис. 1, *1*).

Кельт (1 экз.) представлен втульчатой конструкцией (№ 16; рис. 1, *2*)[52]. Его общая форма трапециевидная, лезвие расширенное, втулка овальная. Во втульчатой части кельта, частично обломанной, идёт пояс из 4 горизонтальных рёбер, которые можно расценивать и как орнаментальные мотивы, и как элементы жесткости. На фаске прослежены грани и центральное ребро жесткости. Подобные же рёбра идут по бокам кельта. Имеются остатки бокового ушка длиной 1,0 см. Длина кельта более 9,2 см, ширина лезвия 4,0 см, диаметры втулки 2,5 и 2,7 см. На экспонате имеется пометка тушью: «15 кр. Швеція».

Булавки (3 экз.) являлись деталями одежды и предназначались для её скрепления и украшения. Тупые концы двух шилообразных предметов заканчиваются объёмными навершиями, подобного же облика, вероятно, была и третья булавка, представленная только навершием:

№ 27 (рис. 1, *3*) – булавка, верхний конец которой оформлен «лопаточкой» и 3 валиками разной высоты; сечение острия в основном 6-гранное. Длина булавки 9,5 см, толщина острия до 0,3 см.

№ 28 (рис. 1, *4*) – предмет с булавообразным верхним концом (погнутым), подчёркнутым ребристым валиком и 7 тонкими гравированными линиями; сечение острия в основном 4-гранное. Длина булавки 9,2 см, толщина острия до 0,3 см.

№ 29 (рис. 1, *5*) – навершие булавки, имеет «юлообразную» форму, орнаментировано концентрическими углублёнными кольцами. Высота 1,0 см, диаметр 1,5 см.

Браслеты (2 экз.):

№ 3 (рис. 1, *6*). Браслет (в коллекции отсутствует) овальной формы, изготовлен из двух перевитых проволок. Судя по описи коллекции, его диаметры составляли 6,4 и 6,6 см. Похожие украшения X – XIII вв. найдены на территории Латвии[53].

№ 6 (рис. 1, *7*). Круглая спиралевидная пирамидка, очевидно, украшала один из концов несомкнутого браслета. Её диаметр 1,5 см, высота 1,7 см.

Накладка (1 экз.): № 36 (рис. 1, *8*). Круглой формы, диаметром 1,8 см, лицевая поверхность украшена 3 выпуклыми концентрическими окружностями, выполненными гравировкой. На оборотной стороне накладки имеются следы 2 шпеньков высотой до 0,7 см.

Подвеска (?) (1 экз.): № 18 (рис. 1, *9*). Круглой формы, диаметр 4,0 см. На краю украшения одностороннего литья имеются два круглых отверстия, с помощью которых оно могло подвешиваться. Основную часть лицевой поверхности изделия занимает знак в виде свастики с закруглёнными углами. На оборотной стороне предмета написано тушью: «10 кр. Швеція». Экспонат напоминает орнаментированные «привески» начала II тыс. н.э. прибалтийских финнов (эсты, корела), в том числе с

---

[52] Рисунок и описание экспоната № 16 в описи отсутствуют, принадлежность кельта к коллекции определена на основе частично сохранившейся на нём музейной маркировки и надписи тушью, указывающей на происхождение из Швеции.

[53] *Мугуревич Э.С.* Восточная Латвия и соседние земли в X – XIII вв.: Экономические связи с Русью и другими территориями. Пути сообщения. Рига: Зинатне, 1965. Табл. XXIV, *10*.

солярной символикой[54]. Аналогичные солярные знаки отмечены и на украшениях западнобалтских племён раннего средневековья (курши, скалвы)[55].

Фибулы (10 экз.), предназначаемые для скрепления деталей одежды, представлены 2 конструкциями: рамчатой с разъёмом (№ 2, 5, 8, 24, 32, 34); рамчатой без разъёма, т.е. замкнутой (№ 19); для некоторых предметов форма не определяется (№ 7, 25, 31):

№ 2 (рис. 2, *1*). Рамка фибулы овальной формы (диаметры 4,4 и 3,7 см), из дрота круглого сечения, с гвоздевидными головками. Язычок в сечении круглый, изогнут волнообразно, с игловидным окончанием. Размеры фибулы 4,4 х 5,2 см.

№ 5 (рис. 2, *2*)[56]. Рамка фибулы овальной формы (диаметры 3,3 и 3,9 см), ромбического и подовального сечения. Её утолщенная срединная часть подчёркнута 3 поперечными валиками разной высоты. Гранёные головки фибулы орнаментированы гравированными ромбами и точками. Язычок отсутствует. Размеры фибулы 3,6 и 3,9 см.

№ 8 (рис. 2, *3*)[57]. Рамка фибулы неправильной овальной формы, ромбического сечения, с гранёными головками. Срединная часть рамки расширена и утолщена, на её лицевой поверхности нанесён орнамент: оттиски штампами в виде треугольника и мелкозубчатой гребёнки. Язычок отсутствует. Размеры рамки 3,4 и 3,9 см.

№ 24 (рис. 2, *4*). Рамка фибулы круглой формы (диаметр 6,6 см), подшестигранного сечения, орнаментирована оттисками мелкозубого штампа. Гранёные головки украшены «глазками». Язычок круглого сечения, волнообразный. Размер фибулы 6,6 х 6,9 см. Фибула, аналогичная по форме, но без глазков на головках и без орнамента на рамке известна из клада Выхмязь X – XI вв. в Юго-Восточном Приладожье[58].

№ 32 (рис. 2, *5*). Рамка фибулы овальной формы (диаметры 5,0 и 5,7 см), 6-гранного сечения, с гранёными головками. Лицевая сторона рамки украшена оттисками штампа в виде гребёнки. Язычок отсутствует, рамка разломана пополам, на предмете помечено тушью: «Швеція». Предмет, аналогичный по общей форме и форме головок, известен из шведских погребений VII – XI вв.[59]. Фибулы с многогранными головками на Руси встречены в памятниках X – первой половины XI в., а вне её территории известны в Финляндии, Прибалтике, Швеции, Норвегии и на о. Готланде в конце IX – первой половине XI в.[60]

№ 34 (рис. 2, *6*). Рамка фибулы подковообразной формы, из дрота круглого сечения, спиралеконечная. Сохранились остатки пластинчатого язычка, украшенного по краям зигзагами и гравированными линиями.

---

[54] *Финно-угры* и балты в эпоху средневековья // Археология СССР с древнейших времён до средневековья: В 20 т. М., 1987. Табл. II, *19*; XV, *26 – 29*.

[55] *Там же*. Табл. CXXXIV, *24, 26*; CXXXVI, *2*.

[56] Рисунок экспоната № 5 в описи отсутствует, фибула идентифицирована по описанию и остаткам шифра.

[57] Рисунок экспоната № 8 в описи отсутствует, фибула отнесена к коллекции на основе её описания и повреждённого музейного шифра.

[58] *Кочкуркина С.И.* Памятники Юго-Восточного Приладожья и Прионежья X – XIII вв. Петрозаводск: Карелия, 1989. Рис. 83, *9*.

[59] *Лебедев Г.С.* Шведские погребения в ладье VII – XI веков // Скандинавский сб. Таллин, 1974. Вып. 19. Рис. 6, *7*.

[60] *Мальм В.А.* Подковообразные и кольцевидные застёжки-фибулы // Очерки по истории русской деревни X – XIII вв. М., 1967. С. 159 – 161. Рис. 23, *1*.

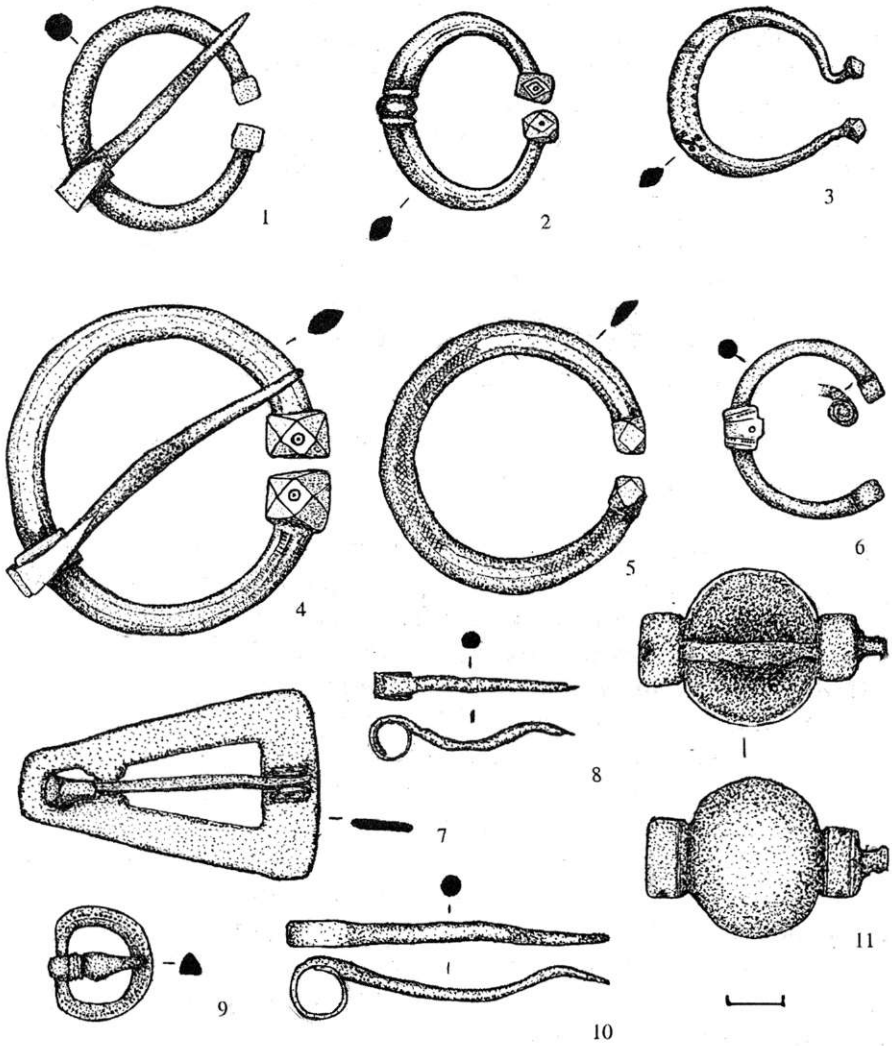

Рис. 2. «Скандинавская» коллекция И.П. Кузнецова-Красноярского. Вещи из Швеции. *Фонды МАЭС ТГУ, колл. № 6279:* 1 – 7 *(№ 2, 5, 8, 24, 32, 34, 19)* – фибулы; 8 *(№ 25)* – язычок от фибулы; 9 *(№ 10)* – пряжка; 10 *(№ 30)* – язычок от пряжки или фибулы; 11*(№ 33)* – предмет неопределённого назначения. *1 – 10 – бронза; 11 – бронза и железо*

Размер фибулы 3,5 х 3,0 см. Аналогичные фибулы были широко распространены на территории северо-западной и северо-восточной Руси с X по XIII в. включительно[61], присутствуют в материалах Юго-Восточного Приладожья IX – XII вв.[62]

№ 19 (рис. 2, *7*). Пластинчатая фибула трапециевидной формы. Её 4-гранный язычок крепится на шпеньке, зажатом между 2 пластинами-стойками. Остриё язычка может фиксироваться на рамке держателем в виде кармана. Длина фибулы 5,8 см, наибольшая ширина 3,7 см. На экспонате имеется надпись тушью: «Швеція 2 кр.». Аналогичные фибулы встречены в памятниках Юго-Восточного Приладожья IX – XII вв.[63]

Об остальных фибулах можно судить лишь по их описаниям в архивных документах:

№ 7. «Коробка от фибулы без язычка с кружковым орнаментом из жёлтой бронзы. 1 шт., 4,5 см длина. Часть. Швеция»[64]. Экспонат отсутствует в коллекции, нет и его рисунка в описи.

№ 25. «Маленькая подковообразная фибула со стержнем»[65]. От неё в коллекции сохранился лишь «стержень» – язычок круглого сечения длиной 4 см (рис. 2, *8*).

№ 31. «Маленькая фибула подковообразная со стержнем. Швеция»[66]. Экспонат, рисунок которого в описи отсутствует, утрачен в начале 1940-х гг.[67]

Пряжка (1 экз.): № 10 (рис. 2, *9*). Рамка подковообразной формы, треугольного сечения. Её лицевая сторона орнаментирована 3 невысокими валиками, по одному из них нанесены насечки. Язычок фигурный, с 2 поперечными валиками. Размеры рамки 1,9 х 2,2 см.

Предметы неопределённого назначения (2 экз.):

№ 30 (рис. 2, *10*). Волнообразно изогнутый язычок подчетырёхугольного сечения, длиной 6,5 см; относится к фибуле или пряжке.

№ 33 (рис. 2, *11*). Единственный биметаллический экспонат коллекции, основная часть его – бронзовая. Представляет цельный предмет с полусферическим возвышением в середине, с противоположных сторон которого имеются два подпрямоугольных выступа. С оборотной стороны под полусферой и внутри выступов проходит железный Г-образный стержень длиной 4,7 см, концы которого обломаны. Длина предмета 4,8 см, ширина 3,0 см. Назначение вещи не выяснено, в реестре коллекции она названа «фибулой».

---

[61] *Там же.* С. 152 – 153. Рис. 22, *1*.

[62] *Богуславский О.И.* К хронологии Юго-Восточного Приладожья IX – XII веков // Проблемы хронологии и периодизации в археологии. Л., 1991. С. 103. Рис. 1. Тип 5.

[63] *Там же.* С. 103. Рис. 1. Тип 2.

[64] № 6279 – 7 // Книга № 8 поступлений МАЭС ТГУ: № 6272/88 – 6818.

[65] *Скандинавские* древности, собранные Кузнецовым во время путешествия по Скандинавии и Дании в 1891 г. // Архив МАЭС ТГУ. Д. 112. С. 2.

[66] *Там же*. С. 2.

[67] *Список* недостающих экспонатов // Архив МАЭС. Д. 112. Л. 396, 417; Он, вероятнее всего, прилагался к другому документу: *Приёмно-сдаточный* акт от 10 ноября 1940 г. // Архив МАЭС ТГУ. Д. 112. Л. 351 – 352; По этим двум документам можно предполагать, что экспонат № 31 по каким-то причинам к началу 1940-х гг. находился в Томском краеведческом музее, а затем не был оттуда возвращён. Однако, по устному сообщению научного сотрудника этого музея Г.И. Гребневой (октябрь 2002 г.), в ТОКМ рассматриваемая фибула отсутствует.

Норвегия

В «скандинавской» коллекции единственным экспонатом, определённо происходящим из Норвегии (из Тельмарка), является предмет оригинальной конструкции, высокого художественного и техничного исполнения (№ 4; рис. 3, *а, б*). Он изготовлен по типу ажурного одностороннего литья с последующей доработкой лицевой стороны и краёв; оборотная сторона – шероховатая. Конструкция предмета выпуклого профиля представляет рамку подовальной формы размером 7,5 х 4,6 см и толщиной около 0,3 см. Внутри её имеются 2 маленькие подовальные пряжки (с язычками) размерами 1,5 х 2,5 см и 1,7 х 2,7 см. Функциональное назначение предмета не совсем ясно: в амуниции или одежде он мог фиксировать 2 узких вертикальных ремешка; условно назван «пряжкой».

Срединную часть её художественной композиции занимает профильное изображение (с правой стороны) благородного оленя – Cervus (cervus) elaphus[68]. Олень показан в реалистичной манере, стоящим в немного настороженном состоянии. Чётко и точно переданы глаз, ухо, 4 отростка рогов, суставы конечностей, а также плавные изгибы тела. Рога в основном откинуты кзади, но при этом концы 2 передних дугообразных отростков обращены немного вперёд. Возможное определение рогов как пантовых датирует сюжетный образ оленя маем-июнем.

В верхней трети «пряжки» над всей фигурой оленя нависают растительные стебли, органично продолжающие верхнюю часть рамки «пряжки». Средний стебель оканчивается «пятилистником»; левый – листом неправильной формы и, возможно, круглым плодом; правый – также листом неправильной формы. Жилкование листьев передано прямыми черточками. Растение, предположительно morus tatarica – шелковица или тут[69], плотно соприкасается с рогами, спиной и крупом животного. Олень прочно стоит на земной тверди, занимающей нижнюю треть композиции, перед нижней частью дерева, декорированного 7 точечными насечками. У неё также чётко передана разветвлённая корневая система, плавно переходящая в волнообразность нижнего поля. Часть ствола можно рассматривать и как отдельный пень, и как символичное изображение всего дерева, уходящего кроной в верхнюю треть композиции. Вся композиция наполнена умиротворением и спокойствием.

Для описанного украшения, предварительно датированного II тыс. н.э., может быть, поздним средневековьем, автору не удалось выявить в литературе предмета, близкого по конструкции и стилю. Аналогичные сюжетные изображения – «олени под деревьями» – достаточно широко распространены в Евразии, включая её юго-восточные регионы[70].

---

[68] Определение и характеристику отображённого животного выполнил С.С. Москвитин, заведующий зоологическим музеем ТГУ (июль 2000 г.).

[69] *Pallas P.S.* Flora Rossica seu sturpium imperii rossici per Europam et Asiam indigenarum descriptiones et icones. Jussu et auspiciis Catharinae II Augustae. 1784. B. 1. Tabl. LII; Определение выполнила Н.В. Курбатская, сотрудник Гербария им. П.Н. Крылова ТГУ.

[70] *Ходзевич Л.П.* О происхождении сюжета на одной уникальной поясной гарнитуре из Лазовского городища // Материалы по этнокультурным связям народов Дальнего Востока в средние века: Сб. научных трудов. Владивосток, 1988. С. 84 – 92.

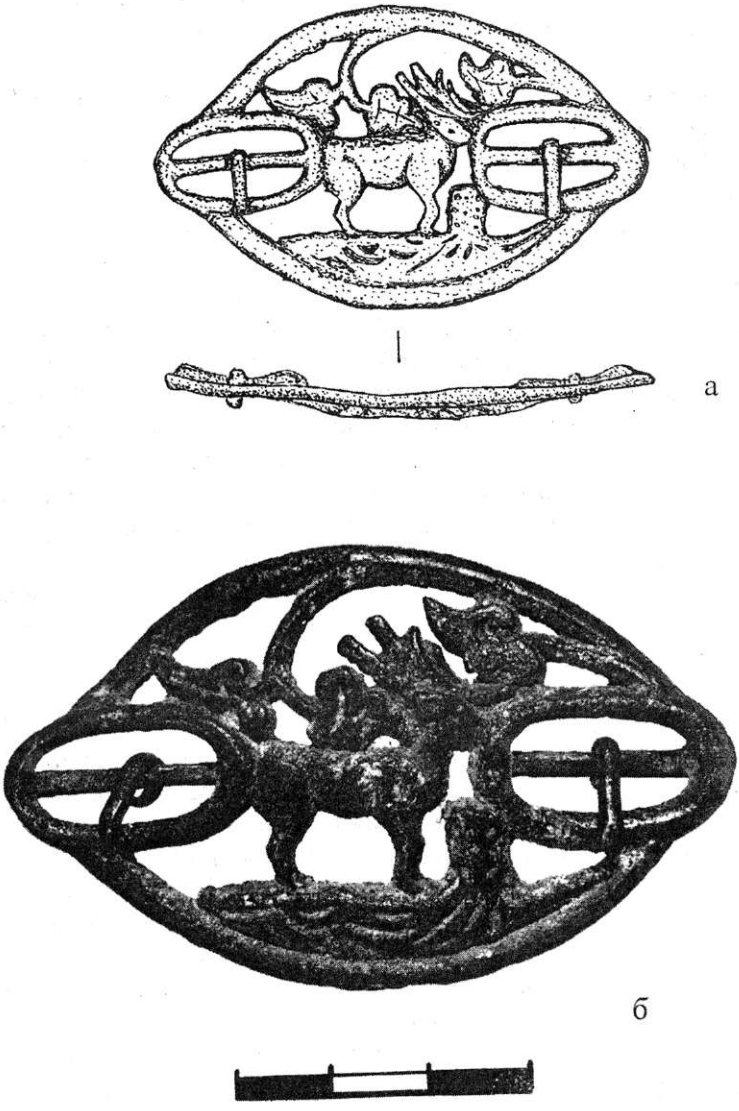

Рис. 3. «Скандинавская» коллекция И.П. Кузнецова-Красноярского. Бронзовая «пряжка» из Норвегии: *а* – прорисовка; *б* – фотография. *Фонды МАЭС ТГУ, колл. № 6279-4*

Дания

Из Дании происходит не менее 12 экспонатов: оружие и орудие (кельт; топор-тесло?), предметы быта (пинцет), детали одежды (булавки), украшения (браслет, накладки) (рис. 4).

Кельт (1 экз.): № 17 (рис. 4, *2*). Втульчатой конструкции; общая форма – подпрямоугольная, лезвие слабо расширено, втулка овальная, её край усилен валиком. На фаске заметны продольные грани, в верхней части имеется боковое ушко подтреугольной формы длиной 2,0 см. Длина кельта 10,8 см, ширина лезвия 3,5 см, диаметры втулки, края которой оформлены в виде валика, – 3,4 и 3,6 см. На предмете написано тушью – «Данія 13 кр.». По исследованиям Е.Н. Черныха, подобные кельты (тип К-38) были распространены во второй половине II – начале I тыс. до н.э. в основном от Среднего Днепра на запад вплоть до Дуная[71].

Топор-тесло (1 экз.): № 14 (рис. 4, *1*). При первом знакомстве с крупным, массивным экспонатом оригинальной формы представляется, что он имеет два рабочих конца – широкий и узкий (клиновидный, желобчатый). Соответственно, широкий конец мог быть частью топора, тесла, зубила или стамески, а узкий – долота. Но при внимательном рассмотрении становится понятно, что узкий конец предмета является абсолютно тупым, не имеет лезвия и поэтому не мог использоваться для операций, производимых долотом (выдалбливание отверстий, пазов и пр.). Наличие лезвия только на широком конце предмета позволяет определить его как зубило, стамеску, но, скорее всего, как безвтульчатый топор-тесло.

Общая длина предмета 16,3 см, его противоположные поверхности идентичны. Рабочая часть (остриё) – подтрапециевидной формы, длиной 8,4 см; лезвие двустороннее, шириной до 4,9 см, его кромка значительно выкрошилась. На фаске, имеющей по краям рёбра, два продольных углубления чередуются с возвышением по центру. Остриё переходит в подпрямоугольный паз, предназначенный для деревянной рукояти. Стенки паза закруглены внутрь, его длина 7,9 см, ширина до 1,9 см, глубина до 0,5 см. На экспонате имеется надпись тушью: «Данія 15 кр.».

Среди тёсел, стамесок, долот по материалам Северной Евразии[72] предмета такой же формы, как у экспоната № 14 «скандинавской коллекции», не зафиксировано. Похожие по конструкции предметы, именуемые как «топоры с закраинами», «втульчатые топоры», были распространены в памятниках эпохи бронзы Средней и Северной Европы 1600 – 1250 гг. до н.э., в памятниках лужицкой культуры XIII – VIII вв. до н.э.[73]

Пинцет (1 экз.): № 13 (рис. 4, *3*). Подтреугольной формы, с широкими губами, украшенными 3 «жемчужинами». Длина пинцета 6,5 см, ширина губ по 2,2 см, сгиба – 0,3 см. Имеется пометка тушью: «Данія пр. [...]»[74].

---

[71] *Черных Е.Н.* Древняя металлообработка на Юго-Западе СССР. М.: Наука, 1976. С. 79. Табл. VI, *12*.

[72] *Черных Е.Н., Кузьминых С.В.* Древняя металлургия Северной Евразии (сейминско-турбинский феномен). М.: Наука, 1989. С. 128 – 130. Рис. 71.

[73] *Монгайт А.А.* Археология Западной Европы: Бронзовый и железный века. М.: Наука, 1974. С. 69. Рис. 10. С. 101. Рис. 2, 6, 7.

[74] Неразобранная часть надписи, вероятно, указывает на топоним Дании – одну из 22 её провинций (амтов).

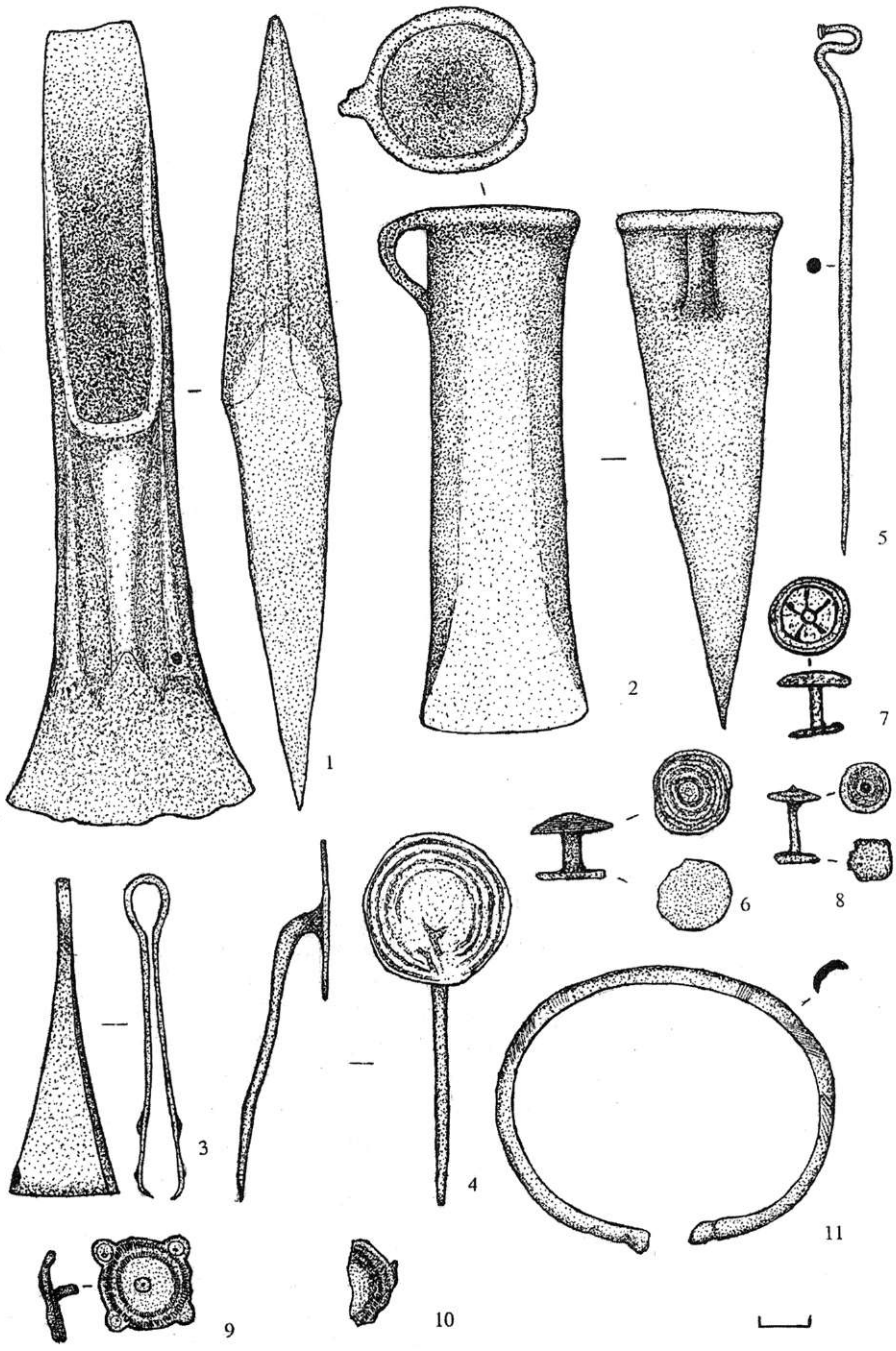

Рис. 4. «Скандинавская» коллекция И.П. Кузнецова-Красноярского. Вещи из Дании. *Фонды МАЭС ТГУ, колл. № 6279:* 1 *(№ 14)* – топор-тесло; 2 *(№ 17)* – кельт; 3 *(№ 13)* – пинцет; 4, 5 *(№ 11, 26)* – булавки; 6 – 10 *(№ 20 – 22, 35-1, 35-2)* – накладки; 11 *(№ 12)* – браслет. *1 – 11 – бронза*

Булавки (2 экз.) представлены 2 формами:

№ 11 (рис. 4, *4*)[75]. Дискообразное навершие, крепившееся на «Г»-образном стержне острия, орнаментировано 4 углублёнными концентрическими окружностями. Длина булавки 7,5 см, диаметр навершия 3,0 см, стержня – до 0,3 см. На предмете написано тушью – «Данія 10 кр.». Аналогичной формы булавки, но без орнамента и железные, а не бронзовая, как в кузнецовской коллекции МАЭС ТГУ, были характерны для «периода гальштат D» поморской культуры 650 – 100 гг. до н.э.[76], для культуры VI в. Средней Европы[77].

№ 26 (рис. 4, *5*). Посоховидная, с навершием «S»-образной формы (так называемая лебедевидная). Длина булавки 10,8 см, ширина навершия до 1,0 см, диаметр острия до 0,3 см. Аналоги булавки, включая конфигурацию навершия, имеются в материалах раннего железного века Северной Германии – эпохи Вессенштедт, переходной от бронзы к железу, 800 – 700 вв. до н.э.[78]; в памятниках Северной Европы 650 – 450 гг. до н.э.[79]; раннего периода гальштатской культуры (её западных областях), рамки которой определяются некоторыми исследователями VIII – V вв. до н.э.[80]

Накладки (6 экз.) представлены 2 формами:

В виде шпеньков изготовлены экспонаты № 20 – 22. У № 20 (рис. 4, *6*) верхняя пластина грибовидной формы, орнаментирована концентрическими окружностями; её размер 1,7 х 1,4 х 1,3 см, имеется надпись тушью – «Данія». № 21 (рис. 4, *7*) изготовлена в виде шпенька с круглыми пластинами, верхняя из которых украшена 5 радиальными линиями; размер 1,5 х 1,0 см, помечено – «Данія 5 кр.». У № 22 (рис. 4, *8*) верхняя пластина круглая и плоская, украшена концентрическими валиками; размер 1,0 х 0,9 х 1,5 см, надписано – «Данія 5 кр.».

Накладки № 35-1, 35-2 (рис. 4, *9, 10*) и № 35-3 были, видимо, однотипными. Первая накладка относительно целая, вторая накладка представлена фрагментом, третья в коллекции отсутствует, как и её рисунок в описи. О внешнем виде украшений можно судить по накладке № 35-1, представляющей круглую пластину с 4 выступами. Лицевая поверхность круга украшена 3 концентрическими окружностями, на выступах нанесено по одной окружности и точки. С оборотной стороны накладки имеется шпенёк для крепления. Размер накладки 1,8 – 2,2 х 0,7 см. Аналогичные украшения встречены в конском снаряжении западнобалтских народов (пруссы)[81].

Браслет (1 экз.): № 12 (рис. 4, *11*), разломан на 2 части[82]. Овальной формы, с разъёмом и утолщёнными концами; сечение серповидное. Орнамент – косые и поперечные насечки и оттиски мелкозубой гребёнки.

---

[75] Рисунок и описание экспоната № 11 в описи отсутствуют, принадлежность булавки к коллекции определена на основе надписи тушью, указывающей на происхождение из Дании.

[76] *Монгайт А.А.* Археология Западной Европы... С. 348. Рис. 6.

[77] *Die Germanen*: Geschichte und Kultur der Germanischen Stämme in Mitteleuropa. B. 2. Berlin, 1983. S. 565. Abb. 178, *V*. S. 565.

[78] *Монгайт А.А.* Археология Западной Европы... С. 327.

[79] *Там же*. С. 101. Рис. 46.

[80] *Там же*. С. 176. Рис. 10.

[81] *Финно-угры*... Табл. CXXXII, *53*.

[82] Рисунок экспоната № 12 в описи отсутствует, браслет идентифицирован на основе надписи тушью, указывающей на его приобретение в Дании.

Диаметры браслета 7,2 и 6,0 см, ширина до 0,9 см, толщина до 0,3 см. На нём написано тушью – «10 кр. Данія». Браслеты похожей формы (без утолщённых концов) встречены в средневековых памятниках латышских племён (селы)[83].

Исландия

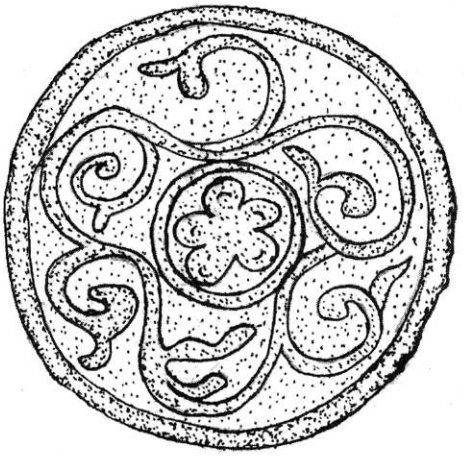

Рис. 5. «Скандинавская» коллекция И.П. Кузнецова-Красноярского. Бронзовая подвеска (?) из Исландии. *Фонды МАЭС ТГУ, колл. № 6279-9*

Единственный экспонат коллекции, происходящий явно из Исландии, – «пряжка от пояса жёлтой бронзы с растительным орнаментом», диаметром 5 см (№ 9; рис. 5). Была утрачена в июле 1994 г.[84], поэтому её описание воспроизводится по реестру, описи и книге поступлений. Не исключено, что экспонат правильнее было бы называть не «пряжкой», а накладкой или подвеской, бляхой. Центром её орнаментальной композиции является пятилепестковый цветок в круге, окружённый изображением вьющихся несимметричных стеблей и листьев (возможно, виноградной лозы). Датировка накладки определяется началом II тыс. н.э., аналог ей не выявлен.

Вещи, страна приобретения которых не установлена

Для 4 экспонатов (рис. 6) «скандинавской» коллекции (кельт, накладка, браслет, вещи неопределённого назначения) страна приобретения не выяснена, что объясняется отсутствием соответствующей информации в архивных документах и надписей непосредственно на экспонатах.

Кельт (1 экз.): № 15 (рис. 6, *1*). Общая форма втульчатого кельта подпрямоугольная, лезвие резко расширено в его последней четверти, край овальной втулки усилен валиком. На фаске чётко прослеживаются грани, по бокам – рёбра жесткости. В верхней боковой части предмета есть сквозное ушко длиной 1,9 см. Длина кельта 6,0 см, ширина лезвия 4,3 см, диаметры втулки 2,1 и 3,2 см.

Браслет (1 экз.): № 37 (рис. 6, *2*)[85]. Овальной формы, с разъёмом и шарообразными головками. Изготовлен из круглого дрота, обвитого по спирали частично повреждённой плоской лентой шириной до 0,3 см. Диаметры браслета 6,5 и 7,5 см, сечение – 0,5 см.

---

[83] *Финно-угры*… Табл. CXIV, *22*.

[84] *Экспертное* заключение. 16 февр. 1998 г. № 49 // Архив МАЭС ТГУ (делопроизводственные документы).

[85] Рисунок экспоната в описи отсутствует. Браслет отнесён к коллекции на основе его признаков, отмеченных в реестре, описи и книге поступлений.

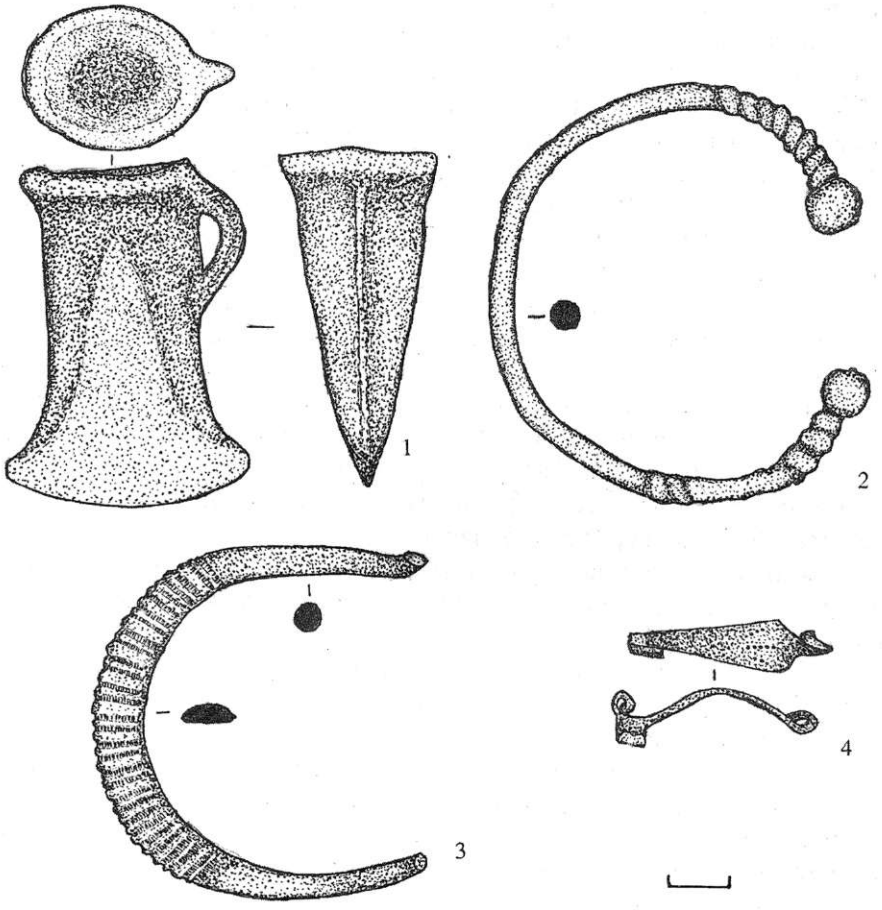

Рис. 6. «Скандинавская» коллекция И.П. Кузнецова-Красноярского.
Вещи, страна приобретения которых не установлена.
Фонды МАЭС ТГУ, колл. № 6729: 1*(№ 15)* – кельт; 2 *(№ 21)* – накладка; 3 *(№ 37)* – браслет; 4, 5 *(№ 23, 38)* – предметы неопределённого назначения. *1 – 5 – бронза*

Предметы неопределённого назначения (2 экз.):

№ 23 (рис. 6, *3*). Предмет подковообразной формы. Его расширенная и утолщённая срединная часть имеет линзовидное сечение, с лицевой стороны украшена оттисками мелкозубой гребёнки. Концы предмета гладкие, округлого сечения, переходящие в обломанные загибы. Размеры рамки 6,0 х 6,3 см, её ширина 0,9 см, толщина до 0,4 см. В реестре этот экспонат значится как «подковообразная фибула».

№ 38 (рис. 6, *4*). Деталью фибулы, возможно, является изогнутая пластина ромбической формы с узкими вытянутыми концами, загнутыми спиралеобразно. В широкой части она орнаментирована 3 линиями точек. Длина предмета 3,6 см, ширина до 0,9 см.

Источниковедческий анализ «скандинавской» коллекции И.П. Кузнецова-Красноярского позволяет заключить, что, вероятнее всего, её составили предметы, попадавшие в поле зрения путешественника и собирателя в 1891 г. в Швеции, Дании, Норвегии, может быть, Исландии случайно – от торговцев антиквариатом или в дар. Хронологический размах собрания – от второй половины II тыс. до н.э. до начала II тыс. н.э. или, возможно, до эпохи позднего средневековья. Не исключено, что набор предметов из той или иной страны (или часть его) происходил комплексом, т.е. из археологических раскопок какого-либо памятника. Наиболее многочисленные собрания – из Швеции (не менее 22 экспонатов) и из Дании (не менее 12) – хронологически соответственно распределяются на 2 основных комплекса: второй половины II – I тыс. до н.э. (кельты, топор-тесло, булавки); пределов конца I – II тыс. н.э. (браслеты, фибулы, вероятно, булавки и др.). Единичные норвежский и исландский экспонаты датируются II тыс. н.э. Отбор вещей для коллекции осуществлялся, вероятно, преимущественно по эстетическим признакам.

Дальнейшие разыскания относительно собрания № 6279 МАЭС ТГУ необходимо ориентировать на историю её собирания И.П. Кузнецовым-Красноярским в странах Скандинавии, что, не исключено, позволит соотнести отдельные экспонаты с конкретным археологическим памятником и более определённо говорить об их культурной и хронологической принадлежности. Возможности автора в этом аспекте сегодня ограничиваются отсутствием источников.

ЛИТЕРАТУРА

Белокобыльский Ю.Г. Бронзовый и ранний железный век Южной Сибири. Новосибирск: Наука, 1986. 168 с.

Белокобыльский Ю.Г. Экспедиция И.Р. Аспелина в Сибирь (к 100-летию экспедиции) // Изв. СО АН СССР (сер. история, филология и философия). 1988. Вып. 3, № 16. С. 54 – 56.

Богуславский О.И. К хронологии Юго-Восточного Приладожья IX – XII веков // Проблемы хронологии и периодизации в археологии. Л., 1991. С. 99 – 114.

Большая энциклопедия: Словарь общедоступных сведений по всем отраслям знания. СПб., 1904. Т. 17. 794 с.

Вадецкая Э.Б. К истории археологического изучения Минусинских котловин // Изв. лаборатории археологических исследований. Кемерово, 1973. Вып. 4. С. 91 – 159.

Географический энциклопедический словарь: Географические названия. М.: Сов. энцикл., 1989. 592 с.

Дмитриенко Н.М. Премии Императорского Томского университета за труды по истории, антропологии и социологии Сибири // ИИС: К 30-летию лаборатории. Томск, 1998. С. 129 – 134.

Дэвлет М.А. Археологические коллекции из Минусинской котловины в государственном национальном музее в г. Хельсинки // По зарубежным музеям. М., 1965. С. 98 – 103.

Ефименко А.В. К истории формирования «индейской коллекции» Музея археологии и этнографии Сибири Томского государственного университета // Музей и город – 2001: Тезисы III межрегиональной науч.-практ. конф. Северск, 2001. С. 134 – 138.

Журнал заседания совета Императорского Русского географического общества 5 ноября 1891 г. // Изв. ИРГО: 1891 г. СПб., 1892. Т. 27, вып. 6. С. 596 – 602.

Журнал заседания совета Императорского Томского университета 15 сентября 1888 года // Томские университетские изв. 1889. Кн. 1, отд. 1. С. 75 – 81.

Журнал заседания совета Императорского Томского университета 27 мая 1889 года // Изв. Императорского Том. ун-та. 1890. Кн. 2, отд. 1. С. 41 – 50.

Журнал заседания совета Императорского Томского университета 20 июля 1891 года // Там же. 1892. Кн. 4. С. 93 – 100.

Журнал заседания совета Императорского Томского университета 21 февраля 1898 года // Там же. 1900. Кн. 16. С. 19 – 28.

Журнал заседания совета Императорского Томского университета от 6 ноября 1899 года // Там же. 1902. Кн. 19. С. 67 – 88.

Известия ИРГО. СПб., 1891 – 1892. Т. 27, вып. 1 – 6. 634 с., XIV с.

История Сибири. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1997. 472 с.

Каталог этнографических коллекций Музея археологии и этнографии Сибири Томского университета. Ч. 2: Народы СССР (кроме Сибири) и зарубежных стран. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1980. 252 с.

Кочкуркина С.И. Памятники Юго-Восточного Приладожья и Прионежья X – XIII вв. Петрозаводск: Карелия, 1989. 348 с.

Краткая энциклопедия по истории купечества и коммерции Сибири. Новосибирск: Наука, 1995. Т. 2, кн. 2. 183 с.

Краткий исторический очерк Томского университета за первые 25 лет его существования (1888 – 1913 гг.). Томск, 1917. 544 с.

Кузнецов-Красноярский И.П. Страленберг в Сибири // Сибирский вестник. Томск, 1888. № 18. С. 2; № 21. С. 1 – 2; № 24. С. 1.

Кузнецов-Красноярский [И.П.]. Томский сын боярский Федор Протопопов: (Материалы для истории Сибири). Томск, 1891. 111 с.

Кузнецов-Красноярский И.П. Минусинские древности. Медно-бронзовый и переходный периоды. Томск, 1908. Вып. 1. 27 с.

Лебедев Г.С. Шведские погребения в ладье VII – XI вв. // Скандинавский сб. Таллин, 1974. Вып. 19. С. 155 – 187.

Мальм В.А. Подковообразные и кольцевидные застёжки-фибулы // Очерки по истории русской деревни X – XIII вв. М., 1967. С. 149 – 206.

Матющенко В.И. История археологических исследований Сибири (до конца 1930-х годов): Учеб. пособие. Омск, 1992. 138 с.

Монгайт А.А. Археология Западной Европы: Бронзовый и железный века. М.: Наука, 1974. 408 с.

Мугуревич Э.С. Восточная Латвия и соседние земли в X – XIII вв.: Экономические связи с Русью и другими территориями. Пути сообщения. Рига: Зинатне, 1965. 144 с.

Ожередов Ю.И. Фонд И.П. Кузнецова-Красноярского в Музее археологии и этнографии Сибири // История вузовских музеев страны. Сыктывкар, 1994. С. 225 – 229.

Открытие Императорского Томского университета 22 июля 1888 года. Томск, 1888. 61 с.

Отчёт Императорского Русского географического общества за 1891 год. СПб., 1892. 75 с.

Отчёт о состоянии Императорского Томского университета за 1889 г. // Изв. Императорского Том. ун-та. 1890. Кн. 2, отд. 1. С. 3 – 70.

Отчёт о состоянии Императорского Томского университета за 1890 год // Там же. 1891. Кн. 3, отд. 1. С. 1 – 65.

Отчёт о состоянии Императорского Томского университета за 1896 год // Там же. 1897. Кн. 12. С. 1 – 151.

Отчёт о состоянии Императорского Томского университета за 1898 год // Там же. 1900. Кн. 16. С. 1 – 144.

Протокол заседания распорядительного комитета 8 февраля 1891 года // Изв. ВСОИРГО. Иркутск, 1891. Т. 22, вып. 2 – 3. С. 32 – 36.

Протоколы Восточно-Сибирского отдела Императорского Русского географического общества // Там же. 1886. Т. 16, № 4 – 5. С. 54 – 106.

Сведения о состоянии Императорского Томского университета за первое полугодие его существования // Томские университетские изв. 1889. Кн. 1, отд. 1. С. 3 – 71.

Сибирская летопись // Сибирский вестник (Томск). 1888. № 35.

Сибирская Советская энциклопедия. М.: ЗСО ОГИЗ, 1931. Т. 2. 1152 ст.

Сибирский вестник (Томск). 1988. № 18, 21, 22, 24; 1891. № 60, 111, 114, 115, 116, 119, 120, 122, 126.

Список членов Восточно-Сибирского отдела Императорского Русского географического общества по 30 января 1890 г. // Изв. ВСОИРГО. Иркутск, 1889. Т. 20, вып. 5. С. I – VII.

Сукачёв В.П. Отчёт о деятельности Восточно-Сибирского отдела за 1891 г. // Отчёт ИРГО за 1892 г. СПб., 1893. С. 67 – 89.

Труды Томского общества естествоиспытателей // Томские университетские изв. 1889. Кн. 1. 32 с.

Финно-угры и балты в эпоху средневековья // Археология СССР с древнейших времен до средневековья: В 20 т. М., 1987. 511 с.

Флоринский В.М. Археологический музей Томского университета. Томск, 1888. 276 с.

Флоринский В.М. Прибавление к каталогу археологического музея Томского университета. Томск, 1890. С. 157 – 337.

Флоринский В.М. Второе прибавление к каталогу археологического музея Томского университета. Томск, 1898. С. 338 – 378.

Ходзевич Л.П. О происхождении сюжета на одной уникальной поясной гарнитуре из Лазовского городища // Материалы по этнокультурным связям народов Дальнего Востока в средние века: Сб. научных трудов. Владивосток, 1988. С. 84 – 92.

Черных Е.Н. Древняя металлообработка на Юго-Западе СССР. М.: Наука, 1976. 302 с.

Черных Е.Н., Кузьминых С.В. Древняя металлургия Северной Евразии (сейминско-турбинский феномен). М.: Наука, 1989. 320 с.

Ястребов Е.В. Сто неизвестных писем русских ученых и государственных деятелей к Василию Марковичу Флоринскому. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1995. 221 с.

Die Germanen: Geschichte und Kultur der Germanischen Stämme in Mitteleuropa. B. 2. Berlin, 1983. 713 s.

Pallas P.S. Flora Rossica seu sturpium imperii rossici per Europam et Asiam indigenarum descriptiones et icones. Jussu et auspiciis Catharinae II Augustae. 1784. B. 1.